

Прежде чем приступить к повествованию о происшествии, чуть не обернувшись серьёзным оскорблением самого московского государя, следует привести небольшой фрагмент из писем русского дипломатического агента в Польше Василия Михайловича Тяпкина. Посвящен он приезду в 1675 году гонца царя Алексея Михайловича – Максима Бурцова к польскому королю Яну III Собескому, сражавшемуся близ Львова с турецко-татарскими силами. Содержание отрывка крайне интересно бытовыми зарисовками, показом «дипломатической повседневности» и не только.

Однако «экстраординарность» самого свидетельства XVII века для нас, людей XXI столетия, в другом – описанные Тяпкиным события могли повредить «государевой чести», унижить российского самодержца, поставить под удар международный престиж России, постепенно входившей в число могущественных держав общеевропейского масштаба. Могли и вызвать негативные последствия для пока ещё более-менее «мирных» польско-российских отношений 1670-х годов. Насколько хрупок мир и как легко он может быть нарушен всего лишь одним неосторожным поступком, особенно ярко показывают события нашего времени.

Долгое время полный текст данного сообщения оставался загадкой, хотя к нему обращались некоторые из наших именитых историков. Используя фонд 79 Российского государственного архива древних актов (РГАДА), теперь мы можем привести его почти дословно. Итак, Тяпкин доносил:

«...Королевскому величеству дано знать, что... его царского величества гонец (Бурцов. – А. Б.) прибыл в передние шатры (Ян III находился в походном лагере. – А. Б.). Тогда королевское величество изволил сесть на своём государском месте..., господа сенаторы сели по своим креслам..., резиденту же царского величества королевское величество, призвав к себе, изволил ему стать по правую руку блиско себя, государя...»

Со своего удобного «наблюдательного пункта» Тяпкину было легко следить за дальнейшими событиями. Но, вероятно, было бы лучше, если бы он их вообще не видел. Прежде всего, Бурцов сразу же нарушил правила принятого церемониала, перепутав поклоны:

«...Максим, вшедши в шатёр, поклонился королевскому величеству единому, а сенатором не кланялся, неведомо с какие мудрости или обычая, здесь же... обычай таковой... у его королевского величества, кто бы от послов или из сенаторов и прочих входящих в полату, [где – А. Б.] сам бывает его королевское величество, поклонитца прежде государю ниско, потом же на обе стороны сенатором поклонитца подобает малым поклоном...»

И все это на глазах своего более опытного коллеги, который, сидя рядом с королем, судя по всему, не знал, куда себя деть от стыда! Накопившееся возмущение резидент вложил в текст своего сообщения, отправленного в Москву – напротив указаний явных ляпов Бурцова кто-то «заботливо» поставил соответствующую отметку.

Несмотря на очевидные ошибки гонца, король и его окружение милостиво приняли Максима, выказывая всяческое уважение персоне царского представителя и самому московскому государю:

«...Гонец царского величества Максим Бурцов правил от великого государя, его царского величества поклон и подал великого государя грамоту королевскому величеству, королевское же величество грамоту великого государя, его царского величества у Максима принял сам, и о государском здоровье спрашивал со всякою достойною учтивостию, без шапки.

Потом же подканцлер Великого княжества Литовского (заместитель канцлера Михал Радзивилл. – А. Б.) спрашивал царского величества гонца, сверх великого государя грамоты есть ли... от великого государя, его царского величества... до его королевского величества [еще какое-либо сообщение. – А. Б.], и он бы, гонец, наказанное ему дело его королевскому величеству и им, сенатором, объявил

И гонец царского величества отвечал, что с ним от великого государя, от его царского величества до королевского величества сверх великого государя грамоты никакова посолства говорить не приказано.

Тогда подканцлер объявил ему, Максиму, чтоб он шол к... его королевского величества к руке, а быв у руки его королевского величества, ехал бы он к себе на подворье, где он поставлен. Еще ж ему объявил жалованье королевское величество, стол...»

Дальше произошло непредвиденное:

«...А потом королевское величество и сенаторы чаяли уж, что он (Бурцов. – А. Б.), поклонясь, поидет вон, а... он, Максим, отозвался

высоким гласом, сверх великого государя грамоты говорил королевскому величеству, украшаючи витийством разум свой..., меж которыми многие ево речми неединократно помянул, чтоб королевское величество, взявши волохи (влахи, румыны. – А. Б.) и серби, и муляня (муляне, молдавское население приднестровских земель. – А. Б.), и болгары, даже и за Дунай перешедчи, одержавши Константинополь и Андрианополь из рук поганских у салтана турецкого, Царьград (т. е. отвовав Константинополь у турок. – А. Б.) поделил с великим государем, царским величеством пополам и жил с ним, государем, вечно в братцкой дружбе и любви...»

Происшествие довольно необычное! Дело в том, что полномочия гонцов жёстко очерчивались «инструкцией», сверх которой они не могли говорить ни слова: царь Алексей требовал полного подчинения, практически ограничивая свободу действий дипломата. Представитель царя рассматривался как «луч» правителя-солнца, любое неподобающее поведение агента непосредственно отражалось на государе, рассматривалось как его личное оскорбление. Что же до гонца, то его «работа» в большинстве случаев сводилась лишь к передаче царской грамоты. А тут – такое!

Многоречивого оратора подвело элементарное незнание языка. Ян Собеский был крайне озадачен пространной и малопонятной ему тарабарщиной гонца:

«...Королевское ж величество, слушаючи широкой ево орацыи (речи. – А. Б.), отворачивался назад и спрашивал подканцлера теми словами: «Для Бога, чего он от меня хочет, и о чем он говорит, не разумею...». И на те ему слава и орацию жадного слова не заплачено (т. е. ничего не сказали. – А. Б.), толко велено ему ехать к себе на подворье...»

И все же, речь Бурцова запала в память – а вдруг гонец говорил что-то важное? Вскоре Тяпкин встречал человека с особым поручением:

«...И по той орацыи присылали к резиденту его царского величества спрашивать королевского величества ближние люди (проще говоря, окружение монарха – А. Б.) пристава ево, Максимова, шляхтича Урбицкого, какую он орацию... государю их, его королевскому величеству предлагал...»

Правда, добиться каких-либо разъяснений посланнику не удалось:

«...И резидент царского величества ближним людям приказал сказать теми словами, что он прислан от великого государя, от своего царского величества, государя своего царя милосердного ко государю их, к его королевскому величеству не за толмача (переводчи-

ка – А. Б.), толко за резидента, а его милость господин гонец сам орацию до господина их, до его королевского величества предложил, сам же господам сенатором...» ее пусть и объясняет.

Но на этом похождения Бурцова не закончились. Выезжая из лагеря, он организовал перед королевскими шатрами настоящее «родео»:

«...А как он из обозу на подворье свое во Лвов поехал, тогда на чалой своей лошади необычно и зело непостоянно ехал, как бы дитя малое на комосливой (буйной. – А. Б.) кляче мызгал и крутился, и грязью... забрызгался и дворян королевского величества, при нём будучих, перебрызгал...»

Поведение человека, представлявшего такую весомую силу как Московское царство, стало неприятным сюрпризом для Тяпкина: находясь под впечатлением этих выкрутасов, он машинально обозначил действия Бурцова довольно резко – «яко шаленой». Позже, спохватившись, он перечеркнул эту фразу.

Бурцов, меж тем, распаялся всё больше. Его «удаль» подогрело и одно достаточно пикантное обстоятельство:

«...А сама королевино величество (королева Мария Казимира Собеская, Марысенка. – А. Б.) смотрила ево храбрости из шатров своих, которые стояли недалеко от дороги, и притомные (находившиеся рядом. – А. Б.) с ним поляки сказали ему, что её королевино величество на него из шатров смотрит, он же рад тому бысть зело

Храбростю на той своей чалой кляче показа[л?], ферезею (верхняя одежда. – А. Б.) с себя скинул и ехал в одном кафтане по грязи, даж[e] до поту лица своего, и говорил с поляки теми словы, вы де поляки разумеете, что москали не умеют сидеть на конех, а теперь вот видите сами, каково я храбро и гладко на таком быстром коне сiju. И поляки ему отвещали, зело де изрядно и гладко ваша милость господине гонче сидиши, и королевино де величество велми (весьма – А. Б.) будет твое благородное мужество хвалить, он же ту себе похвалу слыша, паки учал (снова стал – А. Б.) свою клячу подмызгивать и подстёгивать, даже до самого подворья, чем зело множественныя народы утешил и до великого смеху побудил...»

Парадокс, но, кажется, из всего случившегося Тяпкина более возмущали устроенные гонцом скачки! И верно, конные состязания в России при богобоязненном Алексее Михайловиче – нечастое явление. Неодобряемые религиозными устоями, отмечаемые как порочное развлечение «Домостроем», они воспринимались довольно негативно. Так что Бурцов с его «аллюром» автоматически относился резидентом к категории бунтовщиков, нарушителей общепринятых норм.

На следующей аудиенции Бурцов вёл себя точно так же. Разгадка же такого экстравагантного поведения выяснилась довольно скоро – гонец был банально пьян:

«...А из города в обоз (лагерь. – А. Б.) до королевского величества и назад из обозу в город ехал на той же помянутой чалой кляче, тем же *пьяным* (курсив мой. – А. Б.) обычаем крутился и грязью сам себя и прочих около себя перебрзыгал...»

Понимая, что международный статус России от подобных выходов не укрепится, Тяпкин предпринял попытку вразумить любителя крепкого алкоголя. Что из этого вышло, резидент сообщает в следующем отрывке:

«...И резидент царского величества посылал к нему (Бурцову. – А. Б.) в тайне говорить..., чтоб он ехал пристойно, а не вертяся, и он не послушал, и за то на резидента царского величества гневался...».

Здесь хроника «подвигов» удалого гонца обрывается. Возникает резонный вопрос: наверное, распоясавшегося дипломата как-то наказали? Скорее всего, нет – он продолжил работать в государственной сфере, «наследив» в русско-грузинских связях, послужив при начальнике Земского двора, Земского приказа, а также отметившись дьяком в «администрации» Двинской области.

Не заканчивается и история «разоблачительных» писем Тяпкина, сыгравших, как ни удивительно, на руку неугомонному Максиму, став единственным столь подробным свидетельством о внутренних качествах этого активного деятеля XVII века! В XIX столетии «доклады» резидента о Бурцове привлекли внимание выдающегося российского историка Сергея Михайловича Соловьёва. Опубликовать их полностью он, видимо, постеснялся. Но сурово осудил деяния гонца, отметив, что не всякий понимал важность возложенной на него миссии